

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_36

Информационное противоборство иностранной вооруженной интервенции в России (1918–1922)

А. Я. Касюк

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
imoispn225@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из самых сложных периодов в истории нашей страны – иностранной вооруженной интервенции 1918–1922 гг. Существенное внимание в статьеделено вопросам информационного обеспечения интервенции со стороны правящих кругов государств-интервентов, а также мерам по пропагандистскому противодействию интервенции, предпринятым правительством России.

Ключевые слова: вооруженная интервенция, информационное противоборство, пропагандистская кампания, печатная пропаганда, агитационно-пропагандистские материалы, листовки, устная пропаганда, радиопропаганда, наглядная агитация

Для цитирования: Касюк А. Я. Информационное противоборство иностранной вооруженной интервенции в России (1918–1922) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 36–43. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_36

Original article

Information Confrontation during the Years of Foreign Armed Intervention in Russia in 1918–1922

Arsen Y. Kasyuk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
imoispn225@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of one of the most difficult periods in the history of our country – the foreign armed intervention of 1918–1922. Considerable attention is paid in the article to the issues of information support of intervention by the ruling circles of the interventionist states, as well as measures to propagandize counteraction to intervention undertaken by the Russian government.

Keywords: armed intervention, information confrontation, propaganda campaign, printed propaganda, propaganda materials, leaflets, oral propaganda, radio propaganda, visual propaganda

For citation: Kasyuk, A. Y. Information confrontation during the years of foreign armed intervention in Russia in 1918–1922. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 36–43. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_36

ВВЕДЕНИЕ

Советская историческая наука, да и частично историки 90-х годов XX в. и нулевых XXI в. крайне тенденциозно, главным образом с классовых позиций подходили к освещению событий, связанных с иностранной военной интервенцией западных государств в России в 1918–1922 гг. Главной причиной оправдания агрессии интервентами в подавляющем большинстве случаев указывалось на стремление империалистического Запада ликвидировать власть большевиков в России, вернуть к управлению государством законно избранные демократические структуры, «остановить большевизацию Европы» [Chamberlin, 1935, с. 152]. Все преподносимые интервентами подобные утверждения являлись ничем иным как попыткой пропагандистского прикрытия и оправдания интервенции, поэтому такое громадное значение интервенты придавали информационному обеспечению действий своих войск в ходе интервенции.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

Планы расчленения территории России и завладения ее богатствами правительства стран Антанты и Соединенных Штатов Америки стали разрабатывать сразу после смены власти в России в октябре 1917 г. Военный кабинет Великобритании уже 7 декабря 1917 г. на своем заседании вынес на обсуждение вопрос о возможности военной интервенции в России, а 23 декабря 1917 г. правительства Англии и Франции заключили соглашение о разделе России на колониальные зоны влияния в ходе предстоящей вооруженной интервенции [Кургузов, 2016, с. 26]. В соответствии с соглашением северное побережье Черного и Азовского морей отходит под контроль Франции, а восточное – Великобритании [Князев, URL].

Весной 1918 г. Англия, Франция, Япония, а затем и США приступили к реальному воплощению в жизнь планов вооруженной интервенции против советской России. Чтобы завуалировать конечную своих планов перед населением России и мировым общественным мнением правительства стран-интервентов всеми возможными способами с самого начала стали распространять информацию о «бескорыстии» нахождения своих войск на территории России, о невмешательстве во внутренние дела Российского государства и якобы защите населения Сибири и Дальнего Востока от угрозы порабощения Германией. В качестве аргументов последнего утверждения стали

распространяться слухи о восстании немецких военнопленных, значительное число которых находилось в Сибири. 30 марта 1918 г. военное министерство США, ссылаясь на заявления консулов США и Франции в Иркутске, стало сообщать, что «20 тыс. германских пленных захватили Иркутск» [Кубрикова, 2017, с. 133]. Эти ложные утверждения не были опровергнуты даже после того, как официальные правительственные органы РСФСР организовали инспекционную поездку в Сибирь сотрудников английского посольства и представителей американской миссии Красного Креста.

Еще одним информационным поводом для вторжения войск интервентов являлось утверждение о необходимости оказания помощи в эвакуации частей чехословацкого корпуса, дислоцировавшихся в 1918–1920 гг. вдоль всей Транссибирской магистрали, от Поволжья до Дальнего Востока.

Особо интервентов привлекали богатства Сибири и Дальнего Востока. Американские милиардеры давно мечтали прибрать к своим рукам все эти неисчерпаемые богатства, превратить Россию в свою колонию. Не удивительно, что по своей численности контингент американских войск, принимавших участие в военной интервенции в Забайкалье и на Дальнем Востоке, насчитывал 9 тыс. человек, без учета железнодорожников и иных спецов, а также контрразведчиков, и уступал по численности только войскам Японии [Хитрый, 2012, с. 143]. К октябрю 1918 г. численность контингента японских вооруженных сил в России составила 73 тыс. человек [Шишов, 2005, с. 269]. К концу 1918 г. общая численность войск интервентов, включая части чехословацкого корпуса, составляла уже 150 тыс. человек [Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия, 1987, с. 230].

Пропагандистскую кампанию, проводимую американскими войсками в Сибири и на Дальнем Востоке, координировало американское правительство бюро печати со штаб-квартирой во Владивостоке, которое возглавлял журналист Артур Буллард. Под покровительством бюро издавались на русском языке журналы, газеты, бюллетени: «Дружеское слово», «Дейли ньюс», «Американские бюллетени». Радиопропаганда почти до конца 1922 г. велась американцами через радиостанцию на острове Русском¹.

Вооруженные операции интервентов подкреплялись массированной идеологической обработкой населения оккупированных районов. Особо на этом поприще отличилось американское общество «Христианский союз молодых людей» (ХСМЛ).

¹Российский государственный военный архив. Ф. 221. Оп. 1. Д. 725; РГИА ДВ. Ф. 726. Оп. 3. Д. 32.

Правление общества находилось в оккупированном Омске, оно поддерживало самую тесную связь с американской военной миссией. Ячейки общества учреждались на территории всей страны. В населенных пунктах демонстрировались кинофильмы, широко рекламирующие американский образ жизни. В ряде городов Сибири и Дальнего Востока, в том числе в Верхнеудинске и Владивостоке, были открыты «народные читальни и библиотеки». Учитывая преобладание сельского населения в этих районах России, ХСМЛ уделял особое внимание работе с жителями деревень.

Части и подразделения вооруженных сил Японии, принимавшие участие в вооруженной интервенции против России в Сибири и на Дальнем Востоке, в различный период времени насчитывали от 70 до 120 тыс. солдат и офицеров [Алейникова, 2018, с. 16]. Однако по масштабам распространения печатной пропагандистской продукции среди военнослужащих и населения России японцы существенно отставали от американцев. На возможностях ведения пропаганды японцами существенным образом сказывался языковой барьер, далеко не все офицеры пропагандистских подразделений японской армии владели русским языком.

В целях усиления информационного воздействия на военнослужащих Красной Армии и население России японское правительство 1 мая 1919 г. учредило во Владивостоке осведомительное бюро, поставив перед ним задачу снабжение русских газет выгодной ему информацией¹. Японцы под руководством журналиста Г. Ямада, возглавлявшего бюро, пытались организовать издание в Харбине большой собственной ежедневной газеты «Сибиря симбун», предназначенной для населения восточного региона (*Голос Приморья*, 05.01.1919). С изданием газеты у японского командования не получилось, однако, им удалось продвигать значительное количество своих пропагандистских материалов в харбинских газетах. Особенно в качестве автора в этих вопросах преуспевал комендант японских войск харбинского гарнизона Нияко (*На Красный Урал*, 04.05.1919). Начиная с мая и до конца 1919 г., материалы Японского осведомительного бюро публиковали практически все более-менее значимые газеты Дальнего Востока. На ряду с этим большое внимание с целью оказания влияния на общественное мнение уделялось подкупу собственных репортеров русских газет [Солодовников, 1928, с. 51].

Самого большого влияния на общественное мнение населения восточного региона России японская пропаганда добилась в 1920 г.

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 374. Л. 110.

С 11 апреля 1920 г. издававшаяся во Владивостоке газета «Владиво-Ниппо» стала выходить, кроме японского, на русском языке, в публикации материалов газеты принимал участие в том числе и ряд русских журналистов. Активно действовал в этот период времени также пропагандистский аппарат оккупационных войск японской армии. Командующий Крестьянской революционной армией Прибайкалья следующим образом характеризовал его деятельность: «Здесь у нас, в Забайкалье, японское командование засыпает нас возваниями, в которых, прикрываясь гуманностью, якобы искренними желаниями помочь нам, пускается на разные провокационные предложения» [Партизанское движение в Бурятии: сб. документов, 1965, с. 145]. Значительная часть листовок издавалась за подпись командира 5-й японской дивизии генерал-лейтенанта Судзуки².

Пропагандистская деятельность интервентов, несмотря на все предпринимаемые усилия и затраченные финансовые средства, не смогла оказать заметного изменения в сознании как военнослужащих Красной Армии, так и населения России. Причиной тому была вовсе не деятельность РКП(б) и советского правительства по оказанию сопротивления «классовым врагам и международному империализму», как утверждалось в советской историографии, а в первую очередь кровавый беспредел и беззастенчивый грабеж, чинимый интервентами, нежелание большинства населения России подчиняться диктату интервентов. Как утверждалось в отчете белогвардейского офицера штаба Приамурского военного округа капитана Муравьева от 3 апреля 1919 г.: «Таково отношение японцев здесь, в Амурской области, где они уже представляются населению в роли завоевателей»³. Подавляющее большинство людей воспринимало распространяемую интервентами информацию об их бескорыстии как попытку обмануть русских, захватить территорией и природными богатствами России. Невосприятие русским населением иностранной пропаганды предопределило ее малую эффективность и в конечном итоге привело к краху.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ВЕДЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Пропагандистская работа среди интервентов велась по линии:

² Российский государственный военный архив. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 56. Л. 35; ГАЗК. Ф. Р-334. Оп. 2. Д. 36. Л. 441, 442, 453; Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 14. Л. 53 об., 54.

³ Российский государственный военный архив. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 47. Л. 31–36.

- государственных и общественных организаций,
- политических органов Красной Армии,
- большевистских партийных органов,
- иностранных групп при ЦК РКП(б).

В декабре 1917 г. при Народном комиссариате иностранных дел был создан отдел международной революционной пропаганды, переименованный в марте 1918 г. в отдел иностранной политической литературы. Возглавлял это отдел американец Б. Рейнштейн, комиссаром отдела являлся известны американский публицист Альберт Рис Вильямс, в английской секции отдела работал писатель Джон Рид (*Военно-исторический журнал*, 1967, № 10, с. 88). В декабре 1918 г. этот орган был значительно расширен и на его основе создан отдел советской пропаганды (Агитпроп). Он занимался подготовкой и изданием листовок, возвываний, брошюр и газет на иностранных языках. Агитпроп стал одним из важнейших органов Советского правительства по ведению пропаганды, нацеленной на личный состав войск Антанты. В отдел были направлены опытные большевики, владевшие иностранными языками, а также журналисты, писатели, пропагандисты из числа иностранных коммунистов. Для ведения пропаганды среди англо-американских интервенционистских войск при отделе была специально создана англо-американская секция.

В конце 1917 г. при ВЦИК был образован отдел иностранной пропаганды. Отдел издавал литературу на иностранных языках, предназначенную для войск и населения противника: официальные документы ЦК РКП(б) и Советского правительства, брошюры, газеты, листовки. Задача ведения политической пропаганды на противника была возложена, кроме того, на ВЦСПС.

Основные пропагандистские усилия, направленные на интервенционистские войска, предпринимались со стороны политических органов Красной Армии. Так, в апреле 1918 г. в целях организации ведения пропаганды на войска интервентов при Народном комиссариате по военным делам было создано Всероссийское бюро военных комиссаров (Всебюроенком)¹, которое 15 мая 1919 г. было переименовано в Политуправление Реввоенсовета Республики (ПУРВСР), которое фактически являлось военным отделом ЦК партии. Политуправлением Реввоенсовета готовилось очень много агитационных материалов для войск противника. Однако из-за трудностей с их доставкой, необходимости высокой оперативности пропаганды (разъяснение и использование местных, близких

читателям фактов) основная тяжесть работы падала на армейские политорганы.

Политорганы Красной Армии развернули поистине активную работу в войсках и тылу противника. ПУРВСР требовал от войсковых пропагандистов знать противника, особенно содержание его агитлитературы². Редакционно-издательские отделы занимались подготовкой и изданием агитационно-пропагандистских материалов. Так, редакционно-издательский отдел 12-й армии за один месяц 1920 г. выпустил для распространения среди солдат польской армии 2789 тыс. газет «Жолнеж польски», 40 тыс. экз. приложений к газете, 43 тыс. экз. газеты «Глос коммунисты», 55 тыс. экз. различных брошюр, 1 238 700 экз. возвзваний³.

Иногда политические органы становились единственным проводником большевистских идей в массы противника. К такому положению приводили сами условия боевой обстановки, хозяйственная разруха, организационная неразбериха, нарушение линий связи, которые исключали во многих районах возможность четкой и планомерной деятельности государственных органов. В отдельные части Всебюроенком направлял своих уполномоченных, где они специально занимались вопросами распространения пропагандистской литературы среди войск интервентов⁴.

Активно пропагандистскую работу среди войск противника вели подпольные большевистские организации, действующие на оккупированной территории. Так, в декабре 1918 г. в Одесский порт вошли французские суда. Через 2 часа после их прихода в подпольной типографии, устроенной в каменоломнях, уже печатались листовки возвзвания к солдатам и матросам армии интервентов с призываами к солидарности с русскими рабочими. Одним из руководителей подполья была француженка Жанна Лябурб [Светенко, 2019]. Агитация была настолько успешной, что уже к марта 1919 г. встал вопрос об организации восстания всего французского гарнизона, а 5 апреля французы покинули Одессу (*Исторический архив*, 1958, № 1, с. 26). 19 апреля 1919 г. началось восстание матросов французской эскадры, стоявшей в Крыму близ Севастополя. Матросы кораблей отказались выполнять приказы адмирала Амета. Требования матросов были жесткими: немедленное возвращение во Францию. Это выступление означало, что французский флот в Чёрном море становился практически небоеспособным.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ф. 17, Оп. 4, Д. 132, Л. 1-36.

³ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ф. 63, Оп. 1, Д. 181, Л. 61-62.

⁴ Российский государственный военный архив, Ф. 8, Оп. 1, Д. 16, Л. 133.

¹ Российский государственный военный архив, Ф. 8, Оп. 1, Д. 320, Л. 57.

Для объединения усилий и координации пропагандистской работы на оккупированной интервентами территории при ЦК РКП(б) в конце 1918 г. было образовано Центральное бюро коммунистических партий и организаций оккупированных районов [Драбкина, 1942]. При подпольных ревкомах создавались специальные коллегии иностранной пропаганды.

В общей системе большевистской пропаганды на войска интервентов важнейшее место занимала деятельность Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). Вместе с Агитпромом группы готовили листовки на американских, английских, немецких, французских и других солдат, оказывали практическую помощь командирам и полиграфиям Красной Армии в организации пропаганды среди войск противника.

Во фронтовых и армейских полиграфиях с помощью иностранных групп при ЦК РКП(б) создавались интернациональные секции, национальные группы, отделения международной пропаганды и т. п. Так, в политотделе 5 армии с лета 1919 г. успешно действовала иностранная секция, которая позднее была преобразована в интернациональное отделение. Возглавлял это отделение чешский писатель Ярослав Гашек¹. В армиях Западного и Юго-Западного фронтов в 1920 г. существовали польские отделения². Перед убытием в действующую армию члены иностранных групп проходили инструктаж в ЦК РКП(б), они были хорошо информированы о настроениях солдат вражеских войск, знали их нужды и проблемы.

Хорошо продуманная, разветвленная система организации пропагандистской работы среди войск интервентов давала положительные результаты. Это были вынуждены признать и сами противники (*Часовой*, 1929, № 15–16, с. 25). Солдатам интервентов раскрывали, в первую очередь, захватнические цели их правительства, среди них велась пропаганда солидарности трудящихся всех стран. Солдат призывали поддерживать лозунг «Руки прочь от Советской России!»³ Классовый подход в пропаганде позволил дать точный недвусмыслиенный ответ на важнейший вопрос: кому нужна война, за что гибнут тысячи солдат? Вот только названия некоторых из листовок: «За что вы сражаетесь?», «На чьей вы стороне, рабочих или капиталистов?», «Социалистическая революция, капиталистическая Антанта», «Почему они не

отправляют вас домой?» Ответы на эти и другие волнующие солдат вопросы привлекали внимание солдат, будоражили их возбужденные мысли, указывали пути к действиям.

Основными видами печатной продукции на войска и население противника были листовки, газеты и брошюры⁴. Среди них были, в первую очередь, материалы, отличающиеся высокой документальностью: «Декреты, изданные в Российской Республике», «Конституция Российской Республики», обращения Советского правительства «К народам и правительствам союзных стран» и др. В инструкции Политуправления Реввоенсовета по распространению агитматериалов указывалось, что «иногда один-два десятка прокламаций скорее и вернее могут сломить силу неприятеля, чем тысячи и миллионы выпущенных пуль и снарядов» [Политическая работа, 1919, с. 143–144].

Устная пропаганда велась как на оккупированной территории, так и непосредственно на фронте. На Западном фронте для ведения устной пропаганды большевистские пропагандисты применили агитпоезд, с помощью которого осуществлялась агитация среди местных поляков. Кроме агитпоездов на отдельных участках фронта использовались агитпароходы⁵.

Одной из эффективных форм большевистской пропаганды была наглядная агитация. Идейная сила революционного плаката и рисunka была столь велика, что даже противник вынужден был признать это [Полонский, 1925, с. 63].

В годы иностранной интервенции радиосредства еще не получили широкого применения. В 1918 г. из Москвы начали вестись регулярные радиопередачи на французском, английском и немецком языках. Главное место в них занимали передачи содержания официальных документов и политические информации. Радисты противника принимали возвзвания, призыва, обращения, которые затем нелегальным путем передавались сослуживцам (*Морской сборник*, 1927, № 5, с. 26).

На ряде участков фронта имели место случаи братания солдат противника с красноармейцами. В ходе этих контактов американские солдаты заявляли: «Нас обманули наши генералы. Они везли нас воевать в Россию против немцев, но мы здесь не видим ни одного немца, воюем против русских, которые нам ничего плохого не сделали. Нам надоело воевать, и мы требуем вернуть нас в США»⁶.

¹ Российский государственный военный архив, Ф. 185, Оп. 2. Д. 797, Л. 27.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ф. 63, Оп. 1. Д. 181, Л. 32

³ Государственный музей революции. Док. 12160/43, Л. 113.

⁴ Государственный архив Российской Федерации, Ф. 9550. Оп. 6.

⁵ Государственный архив Российской Федерации, Ф. 1235, Оп. 139, Ф. 1252

⁶ Российский государственный военный архив, Ф. 105, Оп. 1, Д. 121. Л. 10-15

Исторические науки

Значительная пропагандистская работа осуществлялась среди военнопленных. О результативности этой работы свидетельствует тот факт, что уже к сентябрю 1918 г. в составе частей Красной Армии сражалось более 130 тыс. иностранных военнопленных¹.

Большевики подчеркивали, что солдаты противника обмануты их правящими кругами и поэтому не виновны в происходящем. Большевистская пропаганда взывала к лучшим чувствам людей, будила у солдат интервенционистских армий человеческое достоинство. Одновременно командование Красной Армии требовало от личного состава своих войск с уважением относиться к солдатам противника, принявшим решение сдаться в плен. В инструкции комиссару полка действующей армии, принятой на совещании политических работников Западного фронта в 1919 г., содержался специальный (десятый) параграф, обязывающий комиссара лично следить за человеческим обращением с пленными, за их питанием и быстрой отправкой в тыл (*Военно-исторический журнал*, 1939, № 5, с. 77). В листовке-пропуске, распространявшейся на советско-польском фронте в 1920 г., говорилось: «Всякий командир, комиссар и красноармеец обязан встретить по-братски польского солдата, предъявившего этот пропуск...»².

В годы иностранной интервенции на первых порах большевистская пропаганда не была лишена недостатков. Некоторые листовки были слишком длинны, не содержали четкой и веской аргументации. Вместе с тем все это ничуть не умаляет того огромного вклада, который внесла большевистская пропаганда в разгром войск иностранной интервенции. Солдаты войск Антанты, прибывшие в Россию, были убеждены, что они пришли с благородной миссией спасать русский народ от Германии, от варваров-большевиков. И разубедить их в этом стоило большого труда.

Ожесточенные бои, неизбежные потери рождали в сознании солдат сомнения в правдивости заявлений правительства и утверждений командования. Однако процесс прозрения солдат только на основе собственного боевого опыта протекает медленно. В этих условиях пропаганда в значительной мере способствовала усилению воздействия на сознание личного состава. Активная большевистская пропаганда наряду с нарастающими ударами Красной Армии способствовала быстрейшему провалу военной интервенции

против России. В конце 1919 г., пожалуй, уже не оставалось ни одного руководителя оккупационных армий, не говоря уже о рядовых исполнителях, которые не сознавали и не признавали бы потерю боеспособности и повсеместное разложение своих войск и огромную роль в этом большевистской пропаганды. «Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска, – говорил В. И. Ленин в феврале 1920 г. – Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат» [Ленин, 1974].

Значение пропагандистской работы, проводившейся среди войск и населения противника, вынуждены были признать даже враги России. Французский военный теоретик генерал Б. Серрины писал: «Большевики оказались мастерами в искусстве сочетать действия морального порядка с чисто военными. Их боевым операциям в Сибири, Польше, на Кавказе всегда предшествовали в нужный момент агиткампании, направленные параллельно к внесению деморализации в ряды армии и в народную толщу противной стороны. Последовавшие результаты были изумительны и заслуживают глубочайшего изучения» [Серрины, 1924, с. 91].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование истории вооруженной иностранной интервенции в России в 1918–1922 гг., в том числе ее информационного обеспечения, является в настоящее время чрезвычайно актуальным в связи достаточно сложным текущим международным положением и теми вызовами, с которыми сталкивается наша страна. Пропаганда государств Антанты, базировавшаяся в годы интервенции на лжи и обмане, использовавшая преимущественно информационно-психологические методы воздействия, могла рассчитывать на определенный временной тактический и оперативный, но не на стратегический успех, что и обусловило провал всей иностранной вооруженной интервенции.

Опыт пропаганды по разложению войск противника в годы иностранной интервенции явился первым успешным массовым применением пропаганды на противника со стороны Советского государства. Причины высокой эффективности пропаганды среди войск и населения противника заключались в том, что она рассматривалась Советским правительством как важнейшее государственное дело, велась в значительных масштабах, на ее организацию выделялись необходимые материальные ресурсы и средства. Пропаганда

¹Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ф. 17, Оп. 4, Д. 57, Л. 14.

²Российский государственный военный архив, Ф. 9, Оп. 8, Д. 161, Л. 210.

строилась с учетом знания условий обстановки, морально-политического состояния противника. Она использовала все имеющиеся в ее распоряжении формы и методы. Содержание агитационных материалов отличалось актуальностью, конкретностью, доходчивостью, учитывало особенности социальной психологии объектов воздействия.

Результаты информационного противоборства в годы иностранной военной интервенции против России в 1918–1922 гг. явились одним из основных факторов, обеспечивших исход вооруженного противоборства, внесли решающий вклад в решение судьбы существования нашей страны как самостоятельного, независимого государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Chamberlin W. The Russian Revolution. N.Y. : Macmillan Co, 1935. Vol. 2. P. 150–172.
2. Кургузов В. Л. Интервенция в советской России глазами интервентов (1918–1922) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 4–5. С. 20–33.
3. Князев С. «Думали, что их примут как освободителей»: как завершилась интервенция Антанты на Юге России. URL: <https://russian.rt.com/science/article/575931-istoriya-rossiya-antanta-intervenciya>.
4. Кубрикова Ю. А. К вопросу об информационной войне в ходе иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ : ВСГУТУ. 2017. С. 132–135.
5. Хитрий В. Г. Партизаны и американские интервенты в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1922) // Армия и общество. 2012. № 2. С. 140–147.
6. Шишов А. В. Разгром Японии и самурайская угроза. М. : Алгоритм : Эксмо. 2005.
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия. 1987.
8. Алейникова А. А. Борьба с японскими интервентами в Сибири // Вооруженные силы и история Байкальской Сибири: материалы студ. науч.-практ. конф. г. Иркутск, 30 марта 2018 г. Иркутск : ИГУ, 2018. С. 15–23.
9. Соловьев Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда. Из записок русского революционера. Прага : собственное изд., 1928.
10. Партизанское движение в Бурятии: сб. документов. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1965.
11. Светенко А. Будни революции. 1917 год. СПб. : Питер, 2019.
12. Драбкина С. Разложение германских оккупационных войск в России в 1918 году // Исторический журнал. 1942. № 1–2. С. 66–67.
13. Политическая работа в Красной Армии (Положения, инструкции, схемы. штаты и т. п.). Киев : Политическое управление Народного Комисариата по военным делам. 1919.
14. Полонский В. Русский революционный плакат. М. : ГИЗ, 1925.
15. Ленин В. И. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. М. : Политиздат. 1974.
16. Серинин Б. Размышления о военном искусстве: пер. с фр. М. П. Каменского. Л. : Воен. изд-во ЛенВО, 1924.

REFERENCES

1. Chamberlin, W. (1935). The Russian Revolution, 2, 150–172. N.Y.: Macmillan Co.
2. Kurguzov, V. L. (2016). Intervention in the Soviet Russia as viewed by the interventionists (1918–1922). «White spots» of Russian and world history, 4–5, 20–33. (In Russ.)
3. Knyazev, S. (2018). «Dumali, chto ih primut kak osvoboditelej»: kak zavershilas' intervenciya Antanty na YUge Rossii = «They thought they would be accepted as liberators»: how the Entente intervention in Southern Russia ended. <https://russian.rt.com/science/article/575931-istoriya-rossiya-antanta-intervenciya> (In Russ.)
4. Kubrikova, Yu. A. (2017). K voprosu ob informacionnoj vojne v hode inostrannoj intervencii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v gody Grazhdanskoj vojny = To the question of information war held during the time of the foreign intervention in Siberia and the far East during the Civil War. Sibir' v gody Velikoj Rossijskoj revoljucii (k 100-letiju revolucionnyh sobytij v Rossii i periodu Grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii) (pp. 132–165): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
5. Hitrij, V. G. (2012). Partizany i amerikanskie interventy v gody grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1922 gg.) = Partisans and American interventionists during the Civil War in the Russian Far East (1918–1922). Armija i obshhestvo, 2, 140–147. (In Russ.)
6. Shishov, A. V. (2005). Razgrom Yaponii i samurajskaya ugroza = The defeat of Japan and the Samurai threat. Moscow: Algorithm : Eksmo. (In Russ.)
7. Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya v SSSR: Enciklopediya. (1987) = The Civil War and military intervention in the USSR: Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.)

8. Alejnikova, A.A. (2018). Bor'ba s japonskimi interventami v Sibiri = The struggle against Japanese interventionists in Siberia. Vooruzhennye sily i istorija Bajkal'skoj Sibiri (pp. 15–23): The digest of articles of a student scientific and practical conference (In Russ.)
9. Solodovnikov, B. (1928). Sibirskie avantury i general Gajda. Iz zapisok russkogo revolucionera = Siberian adventures and General Haida. From the notes of a Russian revolutionary. Prague: own publishing house. (In Russ.)
10. Partizanskoe dvizhenie v Buryatii: sb. Dokumentov (1965) = The partisan movement in Buryatia: collection of documents. Ulan-Ude: Buryat. book of publishing. (In Russ.)
11. Svetenko, A. (2019). Budni revolyucii. 1917 god = Everyday life of the revolution. 1917. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
12. Drabkina, S. (1942). Razlozhenie germanskikh okkupacionnyh vojsk v Rossii v 1918 godu = The disintegration of the German occupation forces in Russia in 1918. Historical Journal, 1–2, 66–67. (In Russ.)
13. Politicheskaya rabota v Krasnoy Armii (Polozheniya, instrukcii, skhemy, shtaty i t. p.). (1919) = Political work in the Red Army (Regulations, instructions, schemes. states, etc.) (143–144). Kiev: Political Department of the People's Commissariat for Military Affairs. (In Russ.)
14. Polonskij, V. (1925). Russkij revolucionnyj plakat = Russian revolutionary poster. Moscow: GIZ. (In Russ.)
15. Lenin, V. I. (1974). Rech' na bespartijnoj konferencii Blagushe-Lefortovskogo rajona 9 fevralya 1920 g = Speech at the non-party conference of the Blagushe-Lefortovsky district on February 9, 1920. Full Collection of soch, 40, 124. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
16. Serrini, B. (1924). Razmyshleniya o voennom iskusstve. Per. s franc. M. P. Kamenskogo = Reflections on the art of war. Translated from French by M. P. Kamensky. Leningrad: Military publishing house LenVO. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Касюк Арсен Яковлевич

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kasyuk Arsen Yakovlevich

Doctor of History (Dr. habil), Professor, Professor at the Department of Technological Communications,
Institute of International Relations and Social-political Studies,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 30.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 30.06.2022
accepted for publication 12.07.2022